

Не уходи...

в театре за вас или за Лену? Ведь дочка у вас тоже актриса. Он же был таким уважаемым человеком?

— Нет, никогда. Да он бы и не стал.

Помню, Розов принес в театр свою пьесу «Гнездо глухаря». Когда читали труппе, мне очень понравилась роль жены главного героя, которого должен был играть Анатолий Дмитриевич, но я и пикнуть не смела... А тут еще после читки подошла к Толе Олея Аросева и попросила хлопотать за нее: ей тоже эта роль понравилась. Толя пошел к Плучеку, и Валентин Николаевич говорит: «А я хотел Наде эту роль дать». Анатолий Дмитриевич аж руками замахал: «Делайте, как хотите». Потом он звонил Оле и ужасно волновался: а вдруг она не поверит ему.

— Поверила?

— Конечно. Он же никогда не лицемерил. Вот и в партию не вступал, а как его уговаривали! Как-то мне парторг говорит: «Надя, я был в райкоме, и там сказали, что, если ты уговоришь Папанова вступить в партию, тебе дадут звания». Было, было и такое.

— Надежда Юрьевна, по себе знаю, когда уходит дорогой человек, то невольно вспоминаешь, как когда-то был недостаточно к нему внимателен, добр, и делается горько. У вас бывает такое?

— Да. Помню, от преподавательской работы его отговаривала, убеждала, что педаго-

гических дара у него нет. А он ждал другого — понимания, поддержки. Оказалось, что был он прекрасным педагогом, и студенты его обожали. Загорелся режиссурой, и опять я его отговаривала. Без слез вспомнить не могу. Как ему его «Последние» достались!

— Премьера ведь состоялась после смерти Анатолия Дмитриевича?

— Да. Но он успел сдать готовый спектакль худсовету. Он тогда много работал, был очень увлечен репетициями. К сожалению, я в то время была ему плохой поддержкой. У нас Лена заболела, ее положили в больницу, и я пропала у нее.

Как-то раз забежала: сидим на кухне, вот как сейчас с вами, он и говорит: «Послушай, какой я финал к спектаклю придумал... Принес магнитофон, включил:

«Когда Яков умирает, церковное пение должно звучать. Сначала тихо... потом громче, громче... И в темноте свечи горят... много свечей...» Это был один из лучших моментов спектакля... Он потрясает, а Толя, помню, боялся, что ему запретят такой финал.

— Надежда Юрьевна, расскажите, как вы поженились?

— Мы с Толей должны были в этой жизни встретиться обязательно. Оба мы — москвичи, он жил на Малых Кочках, а я рядом — на Пироговке. Даже какое-то время в одной школе учились. Родились мы оба в небогатых семьях. У Толи мама — шляпницей, модисткой в ателье работала, отец в какой-то лаборатории.

После школы он работал на шарикоподшипниковом заводе. Оттуда его и в армию призвали. Мы с ним оба участники Великой Отечественной войны. Я ведь в ГИТИС поступила в 41-м году — как раз 22 июня списки принятых вывесили, — но учиться не пришлось. Педагоги эвакуировались, а я решила уйти на фронт. Окончила курсы медсестер и попала в санитарный поезд.

Вернулась в ГИТИС через два года, а еще через год к нам пришел студент Папанов, Фронтоник, с палочкой ходил.

Сначала у нас с Толей были просто приятельские отношения: мы жили рядом, вместе ездили на трамвае домой. Ухаживать он за мной начал по-настоящему в Куйбышев, куда мы концертной студенческой бригадой поехали на гастроли. Когда из поездки вернулись, то поняли, что друг без друга не можем. Свадьбу сыграли 20 мая 1945 года. Толя переехал ко мне. Я с мамой и отцом жила в «веселенькой» квартире, где в коридор выходило 13 дверей, и за каждой проживала семья. Там и Лена родилась. Оттуда мы в наш первый театр уезжали.

— А какой это был театр?

— После института мы получили распределение в Клайпеду. Когда мы с Папановым приехали в этот город, там жили одни немцы, и уже при нас их срочным порядком выселяли, а заселяли литовцами и русскими. Для этого нового населения и создавался наш театр. Нам, артистам, отвели разрушенный особняк, который мы восстанавливали своими силами. Тогда все было по плечу. В Клайпедке прожили 3 года. И вот однажды — мы были в Москве, в отпуске — Толя встретил на улице Андрея Александровича Гончарова. В нашу бытность он был самым молодым преподавателем в ГИТИСе, а мы — его первыми учениками. Он и предложил Папанову работать в Театре сатиры, где был тогда главным.

— У Анатолия Дмитриевича было много друзей?

— Нет. Он любил гостей, был доброжелателен к людям, но для дружбы был не контактен. Говорил, что дом, семья, работа ему заменяют все. Он любил Виктора Астафьева, обожал своего Женю Васнича. С ним расставался, как ни с кем, и только с ним он мог позволить себе выпить без ограничения.

— Надежда Юрьевна, я видела в кабинете Анатолия Дмитриевича прекрасную икону. Он был верующим человеком?

— Да, он по-настоящему, с юных лет верил в Бога, но никогда не говорил на эту тему с посторонними. А что касается иконы в его кабинете, то с ней связана особая история. Однажды Толя и Андрюша поехали на концерты в Псков, а в это время умер Андропов, концерты отменили, и Андрей предложил съездить в гости к архимандриту в Псковский монастырь. Сутки они там прожили в хелье монастыря. А через какое-то время вдруг в нашей квартире раздался звонок: отец Газриил выразил желание приехать к нам в гости. Был пост... Я растерялась: что подать на стол? Позвонила жене Андрея Ларисе Голубкиной — она таких высоких гостей уже принимала и знала, чем их потчевать. — Лариса посоветовала подать грибные щи и кашу... А через некоторое время после встречи секретарь привез вот эту икону. В нее была вложена записка с благословением от отца Гавриила. Толя очень дорожил этим подарком. Сейчас мне кажется странным, что он часто играл людей грубых, откровенных хамов, а в жизни он был застенчив, даже замкнут... Бережно относился к святым для него вещам. Берег мои письма, те, что я писала ему из Клайпеды. Я никогда не знала об этом и нашла их после его смерти... Он сберег, а я его письма потеряла.

— Я видела на Новодевичьем кладбище очень красивый памятник на могиле Анатолия Дмитриевича.

— Да, я очень хотела поставить памятник к его 70-летию. Стыдно говорить, но скажу: денег на этот памятник мне не хватало, и тогда часть суммы пожертвовал Фенист-банк. Я сердечно благодарю этих людей.

Низко кланяюсь всем, кто помнит Анатолия Дмитриевича, чтит его память, — зрителям, которых он очень любил, друзьям. Меня часто спрашивают: как вы смотрите фильмы с участием Папанова? Так вот, фильмы смотрю, как на свидания с ним хожу.

Записала

Галина ЗАМКОВЕЦ.

"Мы должны были в этой жизни встретиться"

Вс. клф. - 1992. - 29 окт. - с. 2

«Жизнь, прожитая Анатолием Папановым, значительна, и не только на сцене. Память о нем соответствует его обаянию, она светла, и остается только сожалеть, что Бог не дал ему долголетия и лишил всех нас радости общения с ним. Кланяюсь русской земле, родившей сей редкий самородок и успокоившей его».

Это письмо Виктор Астафьев написал вдове Анатолия Дмитриевича — засл. артистке России Надежде Юрьевне Каратаевой.

Оно будет прочитано в Театре сатиры 29 октября на вечере памяти Анатолия Дмитриевича Папанова, которому в этот день исполнилось бы 70 лет. Всего лишь 70...

Мы сидим с Надеждой Юрьевной у нее дома и говорим об Анатолии Дмитриевиче.

— Надежда Юрьевна, сейчас, открывая для себя привычные миру истины, мы поняли: незаменимые ЕСТЬ. Я подумала об этом, вспоминая те горькие дни, когда смерть двух выдающихся актеров нанесла чудовищный удар не только вашему Театру сатиры, но и всему российскому театру... Я понимаю, что начинать разговор с такой горькой ноты очень больно...

— С этой болью мне жить до конца моих дней. Вы хотите, чтобы я рассказала о том, как это было? Попробую... Мы заканчивали гастроли в Вильнюсе и должны были переезжать в Ригу. Днем отыграли «Гнездо глухаря», и Толя стал собираться в Петрозаводск на съемки «Холодного лета». Перед отъездом он мне говорит: «Забери в примерной газете: будет что в автобусе тебе до Риги читать».

Вечером после «Фигаро» захожу в примерную (у них с Андреем Мироновым была одна примерная), забираю газеты. Андрюша посмотрел и говорит: «Господи, неужели вы это все читаете?»

Мы попрощались. Андрей тоже уезжал на концерты. Это был последний день, когда я их обоих видела живыми. Анатолий Дмитриевич по дороге в Петрозаводск планировал завернуть домой. Я его отговаривала, но у него в Москве были дела: приехала группа его студентов из Кабардино-Балкарии — он ведь преподавал в ГИТИСе, — и Анатолий Дмитриевич беспокоился, как их устроят.

— А сердце вам ничего не подсказывало?

— Нет, я была спокойна. И только когда он не прилетел к спектаклю, тревога меня как ножом полоснула. Я начала метаться. Звоню в Москву на пульт: говорят, квартира с охраны снята. Звоню соседке. Она вышла, на окне глянула — свет горит. А мои — дочка с семьей — были на даче. Позвонила Нине Архиповой, ее зять рванул к моим за город. Приехал уже мой зять, перелез с соседнего балкона на наш, выбил стекло... В ванной текла вода... ледяная... Потом диагноз поста-

вили: острая сердечная недостаточность.

— А может, это ледяная вода виновата?

— Нет. Он всегда любил холодный душ. Я думаю, он переутомился... Гастроли, съемки, концерты... Он уже был не молод и не здоров и всегда скрывал свои недомогания: на велосипеде гонял, в огороде любил работать.

Не верю, не хочу верить, что его нет... В день похорон позвонил Андрей Миронов. Сказал, что горюет вместе со мной, что сожалел, что приехать на похороны не может: спектакли «летят», играть нечего, занят в концертах.

— Анатолий Дмитриевич дружил с Андреем Александровичем?

— Они были людьми разных поколений. Но творчески и человечески они были очень близки. В театре играли в одних спектаклях. Я никого не хочу обидеть, но ведь они были лучшими из лучших. Не стало их — и спектакли, в которых они работали, ушли с афиши. И в кино они вместе работали. Много ездили на концерты: Миронов пел, танцевал, а Толя читал монологи, «Медного всадника», стихи.

— Он любил поэзию?

— Видите, сколько книг в его шкафу? Это все поэтические сборники. Пушкин, Ахматова, Цветаева, Пастернак.

— Надежда Юрьевна, а вы когда-нибудь просили Анатолия Дмитриевича хлопотать

